

Глава 23

Следующим был дом старосты деревни.

Деревня Шансицунь была смешанной, без какого-либо преобладающего клана. Нынешнего старосту звали Чжан, а по старшинству он был первым, поэтому все звали его Чжан Да-ши.

Последние несколько дней в его доме стоял невообразимый шум. Супруг и сын настойчиво требовали, чтобы он отправился в дом семьи Се и все разузнал.

— Супруг этого Се Яня целыми днями в уезд мотается! Кто знает, товар ли он продает или чиновников ублажает, взятки раздает?

Его сын, Сань Гуй, был в панике. При одной мысли о Лу Яне у него все внутри сжималось от страха. Он готов был на колени рухнуть и биться головой об пол:

— Отец! Ну сходи же ты! Я боюсь, они меня схватят и кастрируют!

Чжан Да-ши и сам давно собирался к ним заглянуть. Он уже ходил однажды, но никого не застал. Оставил тогда Чжао Пэй-лань весточку, чтобы Се Янь с Лу Яном зашли к нему поговорить.

Но эти двое так и не появились. Неужели он, староста целой деревни, должен сам к ним на поклон идти?

Дома Чжан Да-ши был непререкаемым авторитетом и держался с подобающей старосте важностью. Его супруг обычно не смел ему перечить, но в вопросе, касавшемся сына, проявил несвойственную ему твердость.

— Иди, — настаивал он. — Мы ведь тоже у них долг требовали, семья Се наверняка затаила на нас злобу! И что с того, что ты староста? Се Янь — ученый, сюцай!

Кто-то из деревенских уже отнес семье Се овощей, и те все приняли.

Это случилось сегодня утром. А потом этот грозный супруг Се Яня даже заговорил с матушкой Ша Чжу.

Если это не прощение, то что же тогда?

— Все отнесли овощей, так почему он заговорил именно с ней? — встревожился Сань Гуй. — Они наверняка что-то подложили в эти овощи!

Эту байку распустил сам Чжан Да-ши, хвастаясь, будто в уезде все дела решаются именно так.

Семья шумела и спорила. В конце концов, Чжан Да-ши не выдержал и, чтобы прекратить этот гвалт, раздраженно махнул рукой:

— Иду, иду! Сейчас же пойду и посмотрю, что там у них!

Распахнув ворота, он увидел на пороге Лу Яна и Се Яня. Кто знает, как долго они там стояли и что успели услышать.

Чжан Да-ши застыл.

— Кхм, — кашлянул он. — Что же вы стоите, не заходите?

На лице Лу Яна играла милая улыбка.

— В вашем доме так шумно, я не хотел вас беспокоить.

Чжан Да-ши инстинктивно попятился на шаг, прежде чем пригласить их войти.

В главной комнате топилась печь. Супруг старосты, увидев Лу Яна, засуетился, подскочил к ним и тут же налил обоим по чашке сладкой воды.

— Яиц хотите? Я вам сейчас сладкий суп с яйцами сварю!

Лу Ян, отметив его реакцию, бросил на Се Яня многозначительный взгляд и усмехнулся.

Се Янь этот взгляд понял.

Один лишь визит констебля смог так напугать этих людей. Если он сдаст экзамены на цзюйжэня, они и вовсе небо с землей перевернут.

Лу Ян не стал церемониться:

— Хотим!

Чжан Да-ши не успел его остановить и лишь проводил взглядом своего супруга, который уже мчался на кухню. Лицо старосты дернулось, он с трудом сохранял самообладание.

— Вы по какому делу?

Лу Ян изобразил удивление:

— А? Разве не вы просили нас зайти?

Чжан Да-ши промолчал.

«Так ты, значит, помнишь».

Из-за угла высунулся Сань Гуй. Он присел на корточки и, спрятавшись за стеной, уставился на затылок отца, мысленно посылая ему сигналы — умоляй их, проси прощения как следует!

Чжан Да-ши снова потерял дар речи. Ради здоровья своего сына он натянуто улыбнулся и начал:

— Да так, ничего особенного. Просто хотел узнать, как там дело с вашим заявлением в управу.

Лу Ян вздохнул, и ложь полилась из него легко и непринужденно:

— Се Янь у меня добрый, и свекровь моя — женщина мягкосердечная. Говорят, все мы соседи, живем в одной деревне, незачем доводить до такого. Велели мне не подавать жалобу. Мой отец тоже меня отговаривал. Сказал, я только-только вошел в семью, впереди целая жизнь, и если хочу жить спокойно, то лучше не создавать себе врагов. Посоветовал мне все забыть.

Чжан Да-ши с надеждой посмотрел на него.

Но Лу Ян его разочаровал.

— Вот только я эту обиду проглотить не могу.

— Тогда что же нужно сделать, чтобы ты успокоился? — снова вздохнул Чжан Да-ши.

Лу Ян придвинул свой стул поближе к старосте, принимая доверительный вид.

Се Янь, как верный последователь, тут же повторил его движение. Куда супруг, туда и он.

Лу Яна такое подражание нисколько не смущало, он был даже доволен, но в голосе его по-прежнему звучала сталь.

— А что я могу сделать? Разве у меня есть силы, чтобы дать сдачи? Жители нашей деревни — народ суровый. Под вашим мудрым руководством они стали круче сборщиков долгов в игорных домах. У тех хоть сумма долга известна, а у наших — бездонная пропасть. Староста, вы и впрямь молодец. В следующий раз, когда увижу чиновника, непременно расскажу ему о ваших славных делах.

Чжан Да-ши испугался.

Как это дело могло коснуться его самого?

Он попытался укрыться за принципом «за толпу не наказывают» и, сохраняя достоинство, сказал:

— Супруг Лу, не стоит так говорить. Долг платежом красен, это закон небес. Отец Се Яня умер, так что сын платит за отца. Разве здесь есть что-то неправильное? Я понимаю, ты обижен, но и ты должен понять трудности односельчан.

Долг платежом красен, это верно.

Но когда долга нет, а его выдумывают, пользуясь смертью отца Се Яня и отсутствием свидетелей, — это уже преступление.

Если бы так поступила одна семья, это можно было бы списать на дурной характер.

Но когда так поступают несколько семей, когда вслед за родственниками приходят и соседи, — это уже попустительство старосты.

Стоило ему вмешаться, и дело не зашло бы так далеко.

И у самого Чжан Да-ши хватило наглости заявить, что семья Се должна ему пять лянов серебра.

Лу Ян не стал с ним спорить, а перевел разговор в нужное русло.

— Разве мы не платили? Сколько земли мы отдали, вы что, не видели? Землю отдали, деньги отдали, а некоторым все мало, они снова приходят и требуют. Разве это по-человечески? Мы продали всю нашу землю, этого недостаточно? Раз уж все равно скандал, то я вообще ничего платить не буду!

Чжан Да-ши думал, что Лу Ян пришел жаловаться и доказывать, что их семья ничего не должна, но такого поворота он не ожидал.

Он знал, что Се Сы-цай забрал землю, но продолжал распускать слухи, будто Се Янь не отдает долги. Другие и вовсе несли чепуху: вчера долг был двести вэней, а за ночь вырос вдвое.

Он нахмурился и спросил:

— Кто так поступает?

Даже перед старостой Лу Ян назвал только два имени.

— Се Сы-цай и Сунь Эр-си.

— Я с ними поговорю, — пообещал Чжан Да-ши.

— Легко сказать, — хмыкнул Лу Ян. — Кто же добровольно вернет полученные деньги? Они, скорее всего, и не признаются. От таких людей лучше держаться подальше. Не можем победить — убежим. В крайнем случае, уедем отсюда подальше.

Если они уедут, в деревне не останется дойной коровы.

А Чжан Да-ши все еще рассчитывал поживиться за счет семьи Се.

Сань Гуй за спиной у отца издал жалобный стон, напоминая о себе. А тут еще и супруг старосты принес две миски сладкого супа с яйцами, протянул их Лу Яну и Се Яню и бросил на мужа испепеляющий взгляд.

Если семья Се уедет, то уедет с обидой в сердце. А что тогда будет с их сыном?

Когда они покинут деревню, им уже нечего будет бояться, и они смогут отомстить по полной. Что тогда станет с Сань Гуем?

Чжан Да-ши снова заговорил:

— Я найду Се Сы-цай и Сунь Эр-си. Эти двое совсем распоясались. Сколько они у вас взяли?

У Лу Яна все было подсчитано.

Все беды семьи Се Яня начались с Се Сы-цай. Он первым потребовал пять му земли. Раз один му стоит пять-шесть лянов, а они посмели забрать землю, то Лу Ян заставит их заплатить.

Если не смогут вернуть все, то пусть хотя бы раскошелятся как следует.

— Се Сы-цай сначала забрал пять му земли, а потом частями вытянул еще тридцать лянов серебра.

Семья Сунь Эр-си сначала говорила о долге в два ляна, а потом удвоила сумму.

Раз они удваивают, то и Лу Ян удвоит. Все равно долги вымышленные. Кто требует с него денег, с того и он потребует.

— Семья Сунь Эр-си за два раза взяла четыре ляна серебра.

У Чжан Да-ши глаза на лоб полезли.

— Так много?

— Да, — подтвердил Лу Ян. — Они такие жадные. А ваш долг мы давно вернули.

Чжан Да-ши рассердился.

Его супруг, видя, что разговор вертится только вокруг денег, решил вмешаться:

— Супруг Лу, а как там дело с жалобой? Наш Сань Гуй поступил неразумно, но ты его уже наказал, и выкуп мы заплатили, и овощей принесли. Что нам еще сделать, чтобы ты его простил?

Лу Ян хотел, чтобы они передрались между собой:

— Вернете мне пять лянов серебра, и я не буду подавать жалобу.

Пять лянов серебра — сумма была выбрана не случайно.

Семья Сунь Эр-си не смогла бы собрать столько. Им пришлось бы трясти не только своих, но и идти к Се Сы-цаю.

А Се Сы-цай и его братья держались вместе, и выбить из них деньги было бы непросто.

Чжан Да-ши мог бы и сам заплатить эти пять лянов, посчитав их выкупом за сына.

Он ведь сам говорил, что отец Се Яня должен ему пять лянов. Так что, вернув пять лянов, он как бы поплатился за собственную ложь.

Но зачем платить самому, если можно вытрясти деньги из других?

Пять лянов — это не пять вэней, сумма немаленькая.

Лу Ян наблюдал за сменой выражений на его лице, и ему все было ясно. Доев яйца в коричневом сахаре, он взял своего чжуаньюаня под руку и повел домой.

Глаза Се Яня снова сияли, словно два маленьких солнца. Восхищение, которое он испытывал к своему супругу, было безграничным.

— Ты все запомнил? — спросил его Лу Ян.

— Запомнил, — кивнул Се Янь. — Я понял. К дяде и третьему дяде я пойду сам.

— Когда пойдешь? — уточнил Лу Ян.

— Когда поднимется шум, они сами ко мне придут. Тогда и поговорю.

Лу Ян был доволен.

Этот книжный червь оказался на удивление сообразительным.

Сердце Се Яня трепетало. Он жалел, что нельзя перемотать время вперед и увидеть результат.

Он шел нетвердой походкой, выражение его лица было далеко от обычного спокойствия, пятки едва касались земли. Если бы он шел чуть медленнее, то начал бы маршировать на месте. Он размахивал руками, и его настроение отражалось не только на лице, но и в каждом движении.

Лу Яну было и смешно, и немного горько смотреть на него.

Отец Се Яня умер, и дом лишился своей опоры. Все его познания, почерпнутые из мудрых книг, оказались бесполезны против этих людей. Он ничего не мог с ними поделать, и в душе его, без сомнения, скопилось много обиды. И этот простофиля, этот книжный червь, наверняка винил во всем только себя. Некогда лучший ученик, теперь он и смотреть на книги не мог, предпочитая заниматься домашними делами, лишь бы не читать и не писать. Жалкое зрелище.

Лу Ян взял его за руку:

— Не волнуйся, я рядом. Больше никто тебя не обидит. А все, что у тебя отняли, я помогу вернуть. Тогда мы накроем хороший стол, с вином и закусками, и помянем нашего отца.

Се Янь был мужчиной, а мужчина должен быть опорой своей семьи.

За последние годы он наслушался столько упреков. Куда бы он ни пошел, все ставили его в пример своим детям, говоря, что от учения нет толку: мол, стал сюцаем, а что толку? Только деньги потратил, а сам — ни на что не годен.

Когда отец был жив, он этого не замечал. Но после его смерти, когда они остались вдвоем с матерью, он вдруг стал главой семьи и во всем действовал наощупь.

Вначале он пытался быть твердым, но это не принесло хороших результатов. Он, человек начитанный и знающий законы, не мог противостоять толпе наглецов. Уступив один раз, он потерял возможность отступить.

Он уже думал, что так будет всегда, что как бы он ни трепыхался, он все равно останется лишь блюдом на чужом столе.

Он не ожидал, что когда-нибудь услышит такие теплые слова.

Его супруг сказал, что больше никто его не обидит.

У Се Яня покраснели глаза.

— Я многого не знаю, — сказал он. — Ты научи меня, и я стану сильным.

Он тоже хотел защищать своего супруга, свою мать, свой дом.

Он мечтал о том, чтобы они могли жить спокойно, три раза в день есть, вести неспешные беседы.

Разговаривать, считать деньги, строить планы.

И чтобы их больше никто не обижал.

Никогда.

<http://bllate.org/book/16991/1586042>